

УДК 82.09(73)

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПРИРОДЫ
В ПОЭЗИИ ЭДВАРДА КАММИНГСА

М.В. МАЛЫХИНА

(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

Анализируются три группы стихов Каммингса о природе: стихи условно-мифологические; стихи имажистские; стихи метафизические, или трансцендентальные.

Природа с древнейших времен была предметом эстетического осмысления, и для каждой эпохи существует своя парадигма отношений «человек - природа» [1, 2]. Модернистская литература характеризуется преодолением предшествовавших романтической и позитивистской парадигм с тем результатом, что вследствие обращения ученых и художников к вопросам психологии сознательного и бессознательного возникло такое отношение к природе, когда на первый план выступили ее не-человеческие, собственно природные характеристики. Характерной чертой модернистской литературы становится преодоление романтического антропоморфизма, демонстративный отказ от «патетического заблуждения» и изображение природы ради нее самой, а не как фона внешним или внутренним событиям жизни индивида. Хрестоматийными примерами нового подхода к природной лирике являются такие стихи, как «Снеговик» У. Стивенса, «Змея» Д.Г. Лоуренса, «Могила» и «Рыба» М. Мур и др.

Эдвард Каммингс - один из тех поэтов-модернистов, в чьем творчестве тема природы занимает ведущее место. Его поэзия изобилует образами природы, природных стихий и процессов. Количество стихотворений на тему природы у Каммингса больше, чем у М. Мур и Д.Г. Лоуренса. По подсчетам М. Уэбстера, таких стихотворений около 100, при этом 46 из них о животных [4]. (Заметим, что такой подсчет - дело рискованное, так как тема природы в стихах Каммингса очень часто перекликается с другими темами, и определение точного количества стихов о природе проблематично). Обращение Каммингса к теме природы продиктовано теми же причинами, что побудили романтиков XIX века видеть в ней альтернативу рационализму развивающегося буржуазного общества. Каммингс обращается к природе как противодействию все возрастающему технологизму западного общества в начале XX века. В соответствии со своим мироощущением Каммингс видел в природе Тайну, которую невозможно понять разумом, которая не поддается конечному определению. Природа для Каммингса - источник постоянного обновления жизни, а значит и источник бессмертия, если не материи, то наверняка духа. Каммингс прославляет взаимное одухотворение человека и природы и наделяет ее трансцендентальной силой, поэтому стихи Каммингса о природе обращаются как к материальному, физическому уровню существования природной материи, так и к эмоциональному, интуитивному, трансцендентальному уровню. Ядром трансцендентальной концепции природы у Каммингса является мысль о том, что природные существа любого порядка образуют единый живой организм и что сезонный цикл увядания и обновления природы гарантирует бессмертие жизни.

Анализ всего корпуса природной лирики Каммингса позволяет выделить три группы стихов о природе: 1) стихи условно-мифологические, 2) стихи имажистские, 3) стихи метафизические, или трансцендентальные.

Стихи о природе, условно называемые мифологическими, объединены в группу на основании единства декларируемого в них отношения к природе, которое по духу сродни мифологической идее изначально заданного и вечного единства мира. Лирический герой стихотворения «*When god lets my body be*» (сборник *Tulips & Chimneys, Songs, VI*) восторженно говорит о естественном круговороте природной материи: его глаза дадут начало молодым росткам деревьев, что принесут плоды, из губ будут расти розы, чья красота порадует влюбленных девушек, его пальцы дадут силу крыльям птиц, что в полете коснутся лица любимой, а стук сердца продолжится в морском прибое. Примечательно, что лирический герой не думает и не говорит о смерти; читатель только догадывается, что все эти метаморфозы будут иметь место после его смерти. Для героя они - естественные превращения, заведенный свыше порядок вещей в природе, и он, человек, - часть этого всеобщего природного закона.

Другой важной чертой мифологических стихотворений Каммингса является анимизм. Так, стихотворение «Эпиталамион», открывающее сборник «Тюльпаны и каминные трубы», рисует Землю в ожидании дождя как чувственную женщину, призывающую «трепетного любовника» покинуть законную жену - небесную сферу - и снизойти на нее. В стихотворении множество аллюзий на мифологических богов и богинь, сверхъестественных существ. Мифологическое объяснение ритмического обновления природы видится поэту как альтернатива рациональному и эмпирическому познанию, и эта идея находит дальнейшее развертывание в стихотворении «*O sweet spontaneous*» (*Tulips & Chimneys, La Guerre, V*).

Природа вновь предстает в образе женщины, которую «изучают» теоретики-ученые - усаживают на колени, щипают и ковыряют, но она, непонятая, отвечает им только рождением весны, зачатой ((ритмичным любовником) - Смертью. Её не поддающаяся разгадке Тайна, выраженная в терминах сексуальности и фертильности, является гарантией вечного обновления жизни. Заметим, что в ранней лирике природа очень часто наделяется чертами сексуальной страстной женщины, что свидетельствует о том, что поэт в духе фрейдизма и в пику пуританской традиции, в которой он был воспитан, считал проявление сексуальности естественным, природосообразным явлением. Постепенно мифологический подход к природной лирике уступил место трансцендентальному.

Стихи о природе, написанные в имажистском ключе, также занимают значительное место в поэтическом наследии Каммингса. В соответствии с доктриной имажизма, они представляют чистый образ, ценный сам по себе и не отягощенный ассоциациями. Интерес к чистому образу лежал в плоскости общемодернистского интереса к цвету, форме, количеству предметного мира. В соответствии со своими эстетическими установками, Каммингс усложнил образ привнесением в него динамического момента с тем результатом, что стихи его приобрели характерный «каммингсовский» визуальный формат. Они стали визуальными образами в прямом смысле, а не только в силу создаваемой в сознании читающего ментальной картинки. Самым известным примером стихотворений подобного рода является стихотворение с условным названием «Кузнечик». Напоминая по содержанию имажистское хокку, по форме стихотворение визуализирует прыжок кузнечика из травы. Невозможное для чтения в традиционном ключе, это визуальное стихотворение представляет собой своего рода упражнение по перестановке букв, игру со знаками препинания и аграмматическим использованием заглавных букв. Однако существуют и такие стихи, что прямо и незатейливо создают образ-картинку. Одно из таких стихотворений рисует образ новорожденного жеребенка, который *«ничего не знает и все чувствует: солнечный свет, аромат трав, звуки»*. Мир загадочен для новорожденного, который и сам по себе живая, дышащая и растущая Тайна. Важным в этом стихотворении представляется столь характерное для Каммингса противопоставление рационального и чувственного подходов к восприятию природного мира - тем и привлекателен для поэта жеребенок, что воспринимает мир через призму чувств. Другое из стихотворений этой группы описывает «благодатный дождь», который так ждут фермеры, под шелест которого влюбленные шепчут друг другу свои тайны, тот долгожданный дождь, что оросит листья, деревья и леса (*now comes the good rain the farmers pray for (and /95 Poems, 82/*). Природное и человеческое в этом стихотворении гармонично взаимодействуют, поэтому оно дышит покоем и умиротворением. Один из неизменных атрибутов природы в поэзии подобного рода - тишина. Значение этого слова глубоко символично и не всегда ясно. Сама поэзия для Каммингса - это поиск слов для выражения тишины. В духе свойственных ему парадоксов Каммингс утверждает, что *«тишина - это кровь, чья плоть - пение» (enter no (silence /73 Poems, 67/* В тишине приходит зима и падает снег, который - само воплощение тишины, поэтому-то столь многие герои его стихотворений - те, *«чи сердца верны земле, и мир каждых их не интересует»*, те, кто *«по виду, касанию, вкусу, запаху и звуку тишины»* знают, какая жизнь им нужна, любят смотреть, как снежинка *«кружится на пути в никуда» (this man 'y heart /95 Poems, 4/* Имажистские стихи Каммингса необычайно лиричны, мягки по тональности и выражают его положительные ценностные ориентиры в мире природы.

Группа стихотворений трансцендентальной направленности была выделена на основании того принципа, что во всех этих стихотворениях ставятся вопросы преодоления конечности бытия путем трансценденции. Трансцендентальные стихи были написаны Каммингсом в пору поэтической и человеческой зрелости, и нам представляется, что они органично пришли на смену мифологическим стихам. Природа наделяется поэтом трансцендентальной силой, что означает, что только в гармоничном союзе с природой, осознав себя как часть природы, человек может выйти за пределы рационального познания, приобщиться к высшей духовности и преодолеть смерть. Проводниками трансцендентального опыта становятся малые животные, как, например, мышка или кузнечик, детеныши животных и очень часто птицы. Именно эти малые животные, на которых человек по обыкновению смотрит свысока, открывают лирическому герою Каммингса секреты бытия:

«малиновка

прошу скажи зачем

*и этот летний мир (и ты и я
что любим жить так сильно)*

умереть должны»

«если бы я

могла тебе что-либо объяснить»

*(эта резвая милая певунья
отвечала мне)*

«я бы не могла петь»

(73 Poems, 64)

Как видим, один из секретов жизненности природы в том, что существа природные не рассуждают и не проверяют чувства разумом, но благодарно принимают каждый подаренный богом день жизни. К такому же сердечному принятию жизни призывает поэт в стихотворении «*I thank you God for most this amazing*» (Хаире, 65). Лирический герой обращается к богу со словами благодарности за еще один день жизни, за зелень деревьев и синеву неба, «за все, что - естественно, что - бесконечно, что - утверждающе». Поэт вопрошает, как может «человеческое просто существо», обладающее всем спектром чувств, «сомневаться в невообразимом Тебе?». Здесь находит выражение глубинное религиозное чувство Каммингса, относившегося с подозрением к религиозным институтам, но никогда не отвергавшего самой христианской веры. Его отношение к богу пантеистично. Для него, как и для Вордсворта, бог растворен во Вселенной, присутствует в каждой листке дерева и в каждой твари земной. Следствием этого можно считать особое экологическое сознание Каммингса, которое проявилось в том, что он никогда не считал человека венцом божьего творения и никогда не ставил его во главу природного мира. Именно в этом уважении ко всякому малому существу кроется секрет его «малой буквы» (еще при жизни Каммингса окрестили поэтом «малой буквы» за привычку избегать конвенционального употребления заглавных букв, в особенности при написании имен собственных и слова «я», которое в английском языке пишется с заглавной буквы) [5]. По логике поэта, у человека нет никаких оснований величать себя **I (Я)**, напротив, он даже менее других существ имеет на то право, ибо по образу мыслей и поведения давно выпал из природного мира. Установив противоприродный порядок, человек утратил способность радоваться каждому дню жизни и видеть красоту природы, сопереживать «братьям меньшим».

Противоестественный порядок, заведенный в человеческом обществе, подвергается осмеянию в стихотворении «*When serpents bargain for the right to sqirm*» (Хаире, 22), в котором Каммингс экстраполирует человеческое поведение на природный мир, показывая всю нелепость такого поведения. Так, если змеи начнут торговаться за право извиваться, а солнце забастует, требуя повысить зарплату, если радуга застрахуется на случай исчезновения, а долины выдвинут претензии к горам потому, что они выше, только тогда поэт согласен поверить в «невероятное неестественное человечество». Таким образом, человек должен вернуть утраченное единство с природой, отказавшись от своего доминирующего положения в природном мире и открыв чувства красоте природного мира.

*Пусть мое сердце всегда будет открыто маленьким
Птицам, которые - секрет жизни.
Что бы они не пели, это лучше чем знать.
И если люди не слышат га, они стары*

(New Poems, 19)

В завершение хотелось бы привести слова М. Уэбстера о природной лирике Каммингса: «Каммингс был в достаточной мере модернистом, чтобы избежать простого использования «патетического заблуждения», но он был и в достаточной степени романтиком, чтобы верить, что природа и животные обладают личностью, к которой он мог обращаться напрямую. Он был в достаточной степени художником и поэтом, чтобы подмечать специфические качества и движения животных, однако он был и в какой-то мере буддистом, чтобы знать, что природа была одновременно ничем (иллюзией) и всем (всё здесь и сейчас). И, наконец, он в достаточной мере обладал экологическим сознанием (опережая в этом свое время), чтобы видеть взаимосвязь, что существует между всеми живыми существами» [4, с. 121]. Эти слова ёмко и точно суммируют наши собственные наблюдения о поэте, подтверждая тезис о пересечении романтической и модернистской чувствительности в его мировоззрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальковская В.В. Ценность природы //Философия и общество. - 1998. -№ 6.
2. Черникова И.В. Отношения «человек - природа» от античности до современности // Философия и общество. - 1999. - № 3.
3. Langbaum R. The World from Below: Essays on Modern Literature and Culture. - Madison; London: The University of Wisconsin Press, 1987,
4. Webster M. E.E. Cummings: the Old Nature Poetry and the New // Spring 9 (2000).
5. Friedman N. Decapitalization of E.E.Cummings: not e.e. cummings // Spring 1 (1992).